

Глава 16. Будем счастливы!

С утра в избушке, где жили подруги, дым стоял коромыслом. Обе носились из кухни в комнату с тарелками и бутылками, сталкивались на бегу, смеялись, суетились, волновались. К часу, когда должны были пожаловать гости, Майя вдруг обессилела: а вдруг никто не придёт?

Но гость ныне пошёл аккуратный. Точно в назначенный час на пороге послышался глуховатый басок Всеволода Николаевича, следом явился Евсей Сектяев, потом Аласов с бабой Дарьей. «С праздником!» — «Давно не виделись!»

Сергей, вручая Майе книгу в подарок, сказал:

— Не думал, что меня в этот дом пригласят ещё раз. Гость с испытательным сроком...

Майя шутливо шлёпнула его по губам: не болтай глупостей!

Баба Дарья, освободившись от шалей и сняв гарусный кэсеччик, притянула Майю к себе:

— Ну-ка, наклони, деточка Майыстыыр, головку свою, дай я понюхаю тебя.

Потом то же самое она проделала и с Саргыланой.

— Смотрите какая! Как белочка, глазёнками туда-сюда, и такое имя красивое: Саргылана! Вся жизнь у тебя будет — Саргы-джаалы... Хорошенькая какая!

Через минуту она уже хлопотала на кухне, выпроводив Майю к гостям:

— Иди, иди, чычагым огото, я здесь сама управлюсь! Вот с белочкой вместе. И не возражай, того-сего, всё сделаем как надо.

Опаздывал только Нахов, однако стоило Левину посетовать на это вслух, как в дверь постучали: Василий Егорович Нахов и его супруга Евдокия Михайловна оказались легки на помине.

— Кто сказал, что Нахов может опоздать к такому столу! — ещё с порога замахал он тростью. — Я ферт такой, что к вину и с того света прискачу...

— Да не шуми ты, — певуче увещевала его жена, полнотелая, сидящая женщина, — извинился бы за опоздание... И палкой-то не маши, разобьёшь чего-нибудь!

Нахов торжественно пожал мужчинам руки, поздравляя с праздником, а когда дошёл до бабушки Дарьи, звучно поцеловал ей руку.

— Это ещё что! — оторопела та. — Пальцы старушке целовать.

— Не старушке, а женщине! — поправил Нахов многозначительно. — Майечка, дайте припасть и к вашей ручке... Я, Майя Ивановна, сегодня утром уже немного выпил с одним таким же калеккой-солдатом. Не обессудьте... И пока жена моя не слышит, позвольте откровенно вам сказать: я, Майя Ивановна, изо

всех женщин, существующих в свете, к вам отношусь, вот ей-ей, с величайшей симпатией... Кстати, где наша Саргылана Тарасовна?

— Хоть ребёнка-то не смущай! — дёрнула его за полу пиджака жена. — Вот такой он у меня. Другой мужчина выпьет — и уже в звериной шкуре, а мой готов со всеми перецеловаться...

«Ой-ой, — возразил ей про себя Аласов, вспомнив Нахова на охоте. — Не такой уж он у тебя голубь».

Впрочем, Нахов и сам опротестовал заявление жены:

— Нет, Джебджейчэн! — свою Евдокию он назвал на якутский манер. — Не со всеми. Если это будет, скажем, Тимир Пестряков, так я с ним целоваться отказываюсь...

На его лице была написана такая решимость не лобызаться, что все рассмеялись.

— За стол, за стол!

Отведённое бабе Дарье место между Майей и Сергеем чем-то ей не понравилось, она подседа к Левину, и Аласов оказался рядом с хозяйкой.

— Вот видишь, Майя Ивановна, какие повороты судьбы. Хочешь не хочешь, а придётся тебе со мной в соседях...

— Ой, Серёжа! Странно ты стал говорить в последнее время. Вроде девушки-кокетки, всё на комплименты напрашиваешься. Успокойся, ты и гость у нас желанный, и сидеть рядом с тобой удовольствие.

Что ни скажешь ей, всё какая-то несусветица получается. Думаешь пошутить, а выходит жалоба: ах, я тебе не нужен...

За столом между тем подняли бокалы, все повернулись к Левину.

— Надо понимать, слово предоставляется такому-то, — догадался старик. — Ну что ж... Как и следует в этот день, первый тост — за Великую Октябрьскую социалистическую революцию... — Тут он умолк на минуту, рассеянно вертя в пальцах тонкую стеклянную рюмку. — Всё проходит... А эти слова — на века: «За Октябрь!» Вот я их сейчас сказал, а мне через сто, через тысячу лет кто-то эхом откликнется: «За Октябрь!» Будут эти слова произносить за праздничными столами все новые люди, новые поколения. И все мы в веках будем повенчаны этими словами: «За Октябрь!» В них мы всегда оживаем... Ну, радости всем и удачи.

Гостевание пошло: жареное, заливное, строганина и субай, рыбка всех видов, нежные якутские блинчики и полные чаши духовитого юрюмэ... Когда гостям хватает еды-питья, да когда собрались за столом добрые приятели, тут хозяйкам и стараться нечего: застолье само как ручей в апреле течёт. О вчерашнем праздничном вечере толкуют, со знанием дела ругают бюро прогнозов, вспоминают беседу со школьниками деда Луки.

Евсей Сектяев, встрёпанный, как ошалевший от солнца воробей, принялся нахваливать Саргылану.

— Учитель русского языка в школе — хозяин волшебного слова! Ведь что в нашей жизни значит русский язык? Вот взять, к примеру, африканца или нашего чукчу. Или меня, якута. Как нам понять друг друга? Русский язык! Мировая культура вся перед тобой — вот русский перевод с английского, а вот с бразильского... Стихи есть:

Я ко всем наукам ключ имею,
Я со всей Вселенною знаком —
Это потому, что я владею
Русским всеохватным языком...

Вот так, дорогая Лапочка! Когда вы якутских ребят учите русскому — вы уже их судьбу решаете! На всю жизнь они вам благодарны будут. Вот какая вы у нас замечательная!

Аласов, до которого долетало кое-что из этого пылкого монолога, и сам бы охотно поддержал юного Сектяева. Тем более что ему давно хотелось загладить свою бестактность, допущенную за этим же столом, — когда он Саргылане стал выговаривать за незнание якутского. Однако Нахов, сосед Сергея справа, ни минуты не давал ему передышки — развивал свою тему.

— Я тебя, Аласов, как холостяка, уважать не могу. Холостяк — всё равно, что полчеловека. Никогда вам, холостякам, не постигнуть, что значит жена! Думаешь, мне эти схватки в школе дешёво обходятся? Поругаешься — и всю ночь глаз не сомкнёшь, жрёшь валидол. А она, бедняжечка, со мной рядом бодрствует... Выложишь ей начистоту, она разберётся во всём и самую истину для тебя извлечёт. Жена — лучшее лекарство моё! В самую худую минуту вдруг да вспомнишь: а ведь у меня жена есть! Обруганный, оплётанный — всё равно ты ей дорог. Нет, Аласов, женись, тебе говорю... Я тебя за Макара Жерготова уважаю. Что вернул, сдержал слово... Право, молодец! Если ты, Сергей, больше ничего уже в Арылахе порядочного не сделаешь — уже за одного Макара Жерготова тебе спасибо...

— Тост, товарищи!

— Дарья Даниловна, по старшинству!

Баба Дарья протестующе замахала руками, но все-таки поднялась.

— Чего же, того-сего, я могу сказать вам, таким умным... — начала тихо. — Милым да светлым. Рада я, что и меня в гости позвали. К таким милым деточкам... От меня хозяйкам пожелание будет. Чтобы на следующем празднике, того-сего, рядом с ними за столом по правую руку молодые хозяева сидели. Один рядом с Майыстыыр, другой рядом с Ланочкой...

— Верно!

— Отличный гост!

— Горько-о! — рявкнул под ухом у Аласова Нахов.

Все засмеялись.

Они сидели рядом перед пылающей печью. Майя, проводив гостей, грела озябшие руки. Часто закидывая голову, она смеялась, рассказывая, как они с Евдокией Михайловной вели под руки Нахова:

— Оба смешные... Чем больше спорят, тем виднее, что любят друг друга. Нахов для меня вроде другой стал...

— Они забавные, — согласился Аласов, вспомнив, как с простодушной искренностью Евдокия Михайловна расхваливала мужа, какой замечательный человек её Вася и как ей без него жизни нет. «Конечно, иным людям Васин характер может и не нравиться. Думают, что на язык злой, а у него это, поверьте, от застенчивости. За всех он переживает, всё к сердцу принимает. Я ему говорю: «Вася, да разве может один человек все рытвины заделать и все ухабы сровнять». А он: «Кто же, Джебджейчэн, их заделает и сровняет, если я пройду мимо и ты пройдёшь мимо». А стеснительный! Потому иной раз и напускает на себя грубость. Людям кажется: Нахов — человек толстокожий, а он добрый. И обидчив, как малый ребёнок...»

После застолья, дав своему благоверному немного отдохнуть, Евдокия Михайловна быстро и ловко помогла мужу надеть валенки и шубу. Всех вызвавшихся проводить она придирчиво оценила взглядом и выбрала Майю: «Мы с Майей Ивановной лучше всего с ним сладим».

Сергея оставили на хозяйстве.

В праздничной суете забыли вовремя закрыть печную вьюшку, к вечеру стало страсть как холодно. Оставшись один, Аласов с рвением принялся кочегарить. Когда Майя вернулась, в избе опять было тепло и домовито, печь гудела, как самолёт перед взлётом.

Они сидели рядом у огня, одни в избе, не зажигая света. Майя смеялась, рассказывая о Нахове, но вдруг вопрошающе поглядела на собеседника:

— Послушай, друг мой Аласов, а ты чего такой постный? Или не понравилось у нас?

— Вот-вот! Теперь и ты на комплименты набиваться стала.

Сказал так, отшутился, а подумал совсем о другом.

Подумал: спасибо тебе, Майя, мы целый день были рядом, а почему мне сейчас грустно, это и самому себе не объяснить. Как глупо загорланил Нахов своё «горько»! Противно всё это... А впрочем, к дьяволу рассуждения! Нашла меланхолия, да и только.

— Слушай, Майка, гляжу я на огонь и думаю: никому он так не дорог, как нам, якутам. Морозы восемь месяцев в году. Вся жизнь около огня. Вот я, к

примеру, — в пионерах мне всегда костёр поручали, истопник по призванию, потом на фронте — и там костры, и ещё на охоте...

Умолк на полуслове.

Они сидели, не отрывая глаз от огня, каждый в своём.

— Ланочка-то моя в сапожках убежала... В такой мороз! — вдруг сказала Майя.

— Ай-ай, — отозвался Сергей. — Не простудилась бы.

Смолистые поленья трещали в огне. Тикали часы. От Майиных волос пахло чем-то лесным, горьковатой хвоей. И тут почудилось ему — после шумного праздника остались хозяева и сидят у огня — он и она. А девочка их убежала на танцы в одних сапожках — не простудилась бы...

— Знаешь, о чём мне сейчас подумалось? — но то, что подумалось, он рассказать не посмел, переиначил. — Посреди беспредельного мира стоит одна-единственная юрта, горит в ней печь и два человека у огня. Даже озноб по спине...

— Не пугайся, Серёженька! — сказала Майя, поняв его по-своему. — В этом среднем мире с тобой рядом у огня сидит ещё три миллиарда с лишним тебе подобных...

— Всё бы ты насмешничала, — сказал он безнадежно. Ничего он ей не в силах объяснить!

Всё бы ты посмеивалась надо мной, милая моя Майя Ивановна. Впрочем, ты сегодня верно сказала: что-то Аласов жалостливым стал. Мне, дорогая Майя, и самому противно иметь дело с таким Аласовым. Всю жизнь считал себя человеком разумным, способным посмотреть правде в глаза, привык не терять своего лица в любых бедах. А что же сейчас? Не нужен ты ей — так и пусть! Не будь жалким. Оставайся ей другом — открытым, без недомолвок, нельзя терять этой дорогой простоты в отношениях. Оставайся для неё Серёгой Аласовым, каким она тебя знала всегда. И к чертям эти слюни!

— Ко всем чертям! — он двинул ногой по поленнице дров.

Майя вздрогнула.

— С ума сошёл!.. И что значит «ко всем чертям»?

— А это значит, что нужно послать к чертям рассуждения у огня об одиночестве! — он нашарил выключатель на стене, щёлкнул, комнату залил свет. — Вот тебе, Майка, приказ: пять минут на сборы. Идём в клуб, на танцы. И не маши ты на меня руками!

— Нет, нет! Вот видишь, и в печи затрещало. Да я и танцевала в последний раз лет сто назад.

— Чего-нибудь пожалостливей придумай. Одевайся! А то я сам тебя одевать начну. Кстати, и валенки Ланочке отнесёшь. Быстро! Мы молоды и веселы, в нас кровь как кипяток! Мы танцевать идём!

Хромоногий счетовод наяривал на гармони, две девчонки в углу держали наготове радиолу. Танцы, теснота! Саргылана увидела Майю и Сергея, замахала рукой, но общий поток понёс её в противоположный угол.

Ещё минута, и Сергей уже кружил Майю, да с такой силой, будто надеялся наверстать упущенное.

— Ой, не могу... — едва не задохнулась она. — Позволь, я отдохну. Пойди вон ту толстушку пригласи...

Но до толстوشечки Аласов не дошёл — чья-то довольно крепкая рука ухватила его.

— Ага, попался! Прошу на вальс.

Степанида Хастаева — при всём своём золоте, в ярком, вызывающе открытом платье.

— А я смотрю — ба, уж не снится ли! Сам Аласов на танцах... С праздничком вас, Сергей Эргисович. И нельзя ли повеселей, поживей ногами работать? Сейчас такой час, когда всю учительскую важность можно отбросить. Был тут Фёдор Баглаевич, всех наших ученичков спать выпроводил...

Она сама «прибавила ходу», всё замелькало вокруг — лица, руки, лозунги на стенах. Где-то там осталась Майя, он попытался на ходу отыскать её глазами.

— Что вы шейей крутите? Галстук вас душит, что ли? Вы всегда такой на танцах?

— Какой «такой»?

— Чурбан... вот какой. Ваша рука лежит у меня на спине или не лежит? Держите меня покрепче! Сергей Эргисович, а Сергей Эргисович? Давайте, в честь праздничка, зададим друг другу по одному вопросу. Отвечать — по честности. Идёт? Вам первый вопрос задавать...

— Гм... Ну... О чём же вас спросить? Ну вот, скажем: о чём вы думаете, когда танцуете?

— Очень смелый вопрос, — похвалила Степанида. — Немцы в этих случаях говорят: вагехальс, что в переводе значит — сорви-голова, рисковый человек.

— Я чем-нибудь рискую?

— Тем, что в ответ на такой вопрос можете услышать... Впрочем, вопрос задан, надо отвечать. Так вот: думаю во время танцев о вас, Аласов. Думаю, что по сравнению со многими известными мне мужчинами вы ужасно неуклюжий. И угрюмый. И тем не менее почему-то мне нравиться. Сама удивляюсь.

— Действительно, загадка, — согласился Аласов. — Тем более, что речь идёт о простом чурбане...

— Э, — погрозила пальчиком Стёпа. — Если чурбан от сухой лиственницы произошёл, он даст столько жара! Теперь мой вопрос. Не буду оригинальничать — отвечайте: что вы обо мне думаете? Самую правду, я не обижусь.

— Гм, гм... Эк вы в лоб! — Аласов принялся искать слова, успевая при этом выполнять и свои танцевальные функции. — Девушка вы, несомненно, хорошая. Красивая. Разве что модница чересчур... да боевита, как мальчишка.

— Красивая? Не возражаю. А насчёт того, что скромности не хватает — что за беда! Обратите внимание — у входа на скамеечке ваша хорошая знакомая сидит, Майя Унарова. Образец скромности! Только я не желаю быть такой! Мне её долю — лишь по приговору народного суда! Обнимите меня покрепче, что за партнёр!

Но тут, к счастью, танец закончился. Проводив Стёпу к свободному стулу, Аласов поспешил к Майе.

Около неё уже стояли Саргылана и Сектяев. Оба красные, как молотобойцы в кузнице. Известие о валенках привело Саргылану в восторг:

— Вот спасибо, Майя Ивановна! Ах, как я люблю вас!..

— Все мы её любим, — сказал Аласов, поднимая Майю за руку (краем глаза он заметил, как с первыми тактами метнулась в их сторону Стёпа). — Все мы её любим! — он положил руку на спину Майи, крепко обняв её, как только что его учили. — Сегодня, Майя Ивановна, мы танцуем всё, без разбора. И только вдвоём. Наберись мужества, Майечка дорогая.

Она так и не смогла уснуть в эту ночь. Множились в глазах огни, она плыла, полузакрыв глаза. Только вдвоём. Весь вечер.

Почему она вышутила его, когда он сказал о том, как на огромной земле двое сидят у огня? Потому, что тогда у печи и сама подумала о том же. Испугалась, как бы он не прочёл её мысли...

До странности остро захотелось сладкого. Майя встала, пошарила в темноте возле буфета. Что-то звякнуло у неё под рукой, — она на лету успела подхватить портрет, соскользнувший с гвоздя.

Это была Сенина карточка.

Сенечка, о-о, Сенечка!.. За весь день она ни разу не вспомнила, не подумала о нём! В праздник — и не вспомнила! Сенечка, жизнь моя, прости...